

Бауло А. В.

ПОЕЗДКА К ТАЗОВСКИМ СЕЛЬКУПАМ: ДНЕВНИК 1979 ГОДА

Публикуются материалы экспедиционной поездки к северной (тазовской) группе селькупов в Красноселькупский район Тюменской области летом 1979 г. Отряд Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством Г. И. Пелих работал в посёлках Красноселькуп и Толька с выездом на ряд местных стойбищ в бассейнах Таза и Худосея.

Материалы дневника раскрывают ряд особенностей хозяйственного уклада, материальной и духовной сферы селькупов: расселение, места промыслов, правила проведения охоты и рыбной ловли, погребальный обряд, наследственное право, семейный быт, суд князцов, виды наказаний и многое другое. Публикуется несколько сказок.

Ключевые слова: *селькупы, расселение, быт, семья, обряд, наследство.*

Важнейшим этапом любого исследования является накопление новых источников, не менее важным должно быть их скорейшее введение в научный оборот.

К сожалению, с большим корпусом источников по этнографии селькупов такого алгоритма не получилось. Я имею ввиду полевые сборы 1979 г. у северной группы селькупов, проведённые под руководством Г. И. Пелих и сборы 1980 г. у селькупов Кети и Тыма под руководством И. Н. Гемуева. Практически все они до сих пор не опубликованы, лишь небольшая информация была использована Г. И. Пелих в известной монографии 1981 г. (Пелих, 1981) и в моей статье по надмогильным сооружениям селькупов (Бауло, 1980).

Экспедиция этнографического отряда Института истории, филологии и философии СО АН СССР 1979 г. состоялась в Красноселькупский район Тюменской области с 6 июня по 6 августа. В составе отряда работали Г. И. Пелих, И. Н. Гемуев, Е. М. Зимин (томский друг И. Н. Гемуева) и студент НГУ А. В. Бауло. Первоначально отряд базировался в Красноселькупске, затем в Тольке. На моторной лодке были осуществлены выезды в Сидоровск, Кикки-Аки, Усть-Покольку, в бассейн Худосея и на Налимье озеро.

На обратном пути из Салехарда в Омск на теплоходе по просьбе Г. И. Пелих она сама и мы с И. Н. Гемуевым переписали свои полевые тетради на карточки. Предполагалось, что тетради будут сданы в архив, а карточки позволят нам самостоятельно работать с полученным материалом. Дальнейшая судьба тетрадей мне неизвестна.

Видимо, было 7 тетрадей, одну вел я (№ 1), как минимум одну – И. Н. Гемуев (№ 5), карточки тетрадей №№ 2, 3, 6, 7 заполнены рукой Г. И. Пелих. Карточки четвертой тетради не сохранились. Всего осталось 122 карточки, больше всего карточек тетрадей №№ 1 и 2, остальные присутствуют в небольшом количестве.

Судя по нумерации карточек моей тетради, в них сохранилось больше половины текста, на отсутствующих страницах могли быть планы кладбищ, которые я делал.

Мне показалось важным опубликовать карточки своего дневника, поскольку, полагаю, в настоящее время даже подобную небольшую информацию собрать у представителей северной группы селькупов сложно.

Несмотря на краткость и фрагментарность полученной информации она затрагивает достаточно много особенностей хозяйственного уклада, материальной и духовной сферы селькупов: расселение, места промыслов, правила проведения охоты и рыбной ловли, погребальный обряд, наследственное право, семейный быт, суд князцов, виды наказаний и многое другое. Публикуется несколько сказок.

Ради справедливости следует напомнить, что материал собирался студентом, который окончил третий курс университета и с культурой селькупов встретился впервые.

В публикации слева дается номер страницы тетради, с которой на карточку была переписана информация.

**Экспедиция 1979 г.
Красноселькупский район Тюменской области
Тетрадь № 1. Записи Бауло А. В.**

Пос. Красноселькупск

6

Кагилев Кирилл Игнатьевич, 65 лет.

Дед – Часелька охота. Рыбачили в Сидельниково. Зимняя стоянка отца была Часелька. Если отец умирает, олени среди сыновей поровну.

Орчина Аграфина Игнатьевна, 76 лет.

Охотились и рыбачили, где жили. Сильки – там охотились, р. Пеляжьи – жили, рыбачили.

У отца было три брата. Сначала жили вместе. Если сын женится, то берет что нужно. Если сын приносит добычу, она делится в семье.

7

Если семья живет долго на этом месте, то у них своя территория для охоты. Если другой убил их оленя, должен платить или отдать своего.

Полин Никандр Николаевич, 64 года.

р. Пеляжьи – рыбачим, охотимся – Часельки, Ратта, сейчас в Сидельниково.

Нерин Андрей Иванович, 50 лет.

Отец в Селькупске рыбачил. Охотились, где хотели. Охотятся вместе.

Там, где жили, там хоронили. Деньги не клали на могилу.

Твой олень убил кто-то, отдает своего. Если не дает оленя, можно деньгами отдать. Если не отдадут, то своими руками хватай.

13

Андреева Надежда Никитична, 43 года.

Дед жил в Сидельниково. Зимняя стоянка отца в Селькупске. Охотится зимой до Сидельниково, на Пеляжьи. Рыбачит на Пеляжьи, жильё поставит.

Раньше на месте сидели, жильё поставит, рыбу добывает. На своей территории охотился, другим нельзя было.

Парень охотится на старой земле, она если хорошая, то семья вечно живет на ней, вечно там охотится. Старое место никуда не уйдет.

Если поженились, то часть имущества молодым отдают отец девушки и отец парня. Парень охотится на старой земле. Если сын убьет оленя, большую часть себе оставляем, чтобы жить хорошо, остальное относит к отцу в семью, там поровну делят.

Если умрет отец, то имущество отдают старшему, он помогает младшим.

14

Кагилев К. И.

Зимняя стоянка на Часельки. У дедушки там же. Все наши там живут. И рыбачили там же.

Если богатый отец умер, а у него дочь и сын, то оленей все сыну, а дочери нет. А если у отца три сына, то после смерти родителя часть оленей переходит к старшему сыну, чуть меньше среднему сыну, еще меньше младшему.

Тамелькин Виктор Григорьевич, 62 года.

Сейчас в вершине Худосея, Кашкы, Пюлякы, Поколькы. И все наши издавна здесь охотились.

Тамелькин Валерий Викторович, 26 лет.

При деде и еще в 1950-х гг. было так, что жил муж и две жены, могло три. Вера такая была: одна шила бокари, другая варила, из-за этого имел две жены. А третья для встречи людей.

Сайготин Владимир Алексеевич, 57 лет.

Зимняя стоянка Тэмилкы, Пеляжьи. Отец рыбачил. Мамонтово озеро, через Таз километров 20–30. Дед тоже там.

15

Имущество делилось среди братьев, больше младшему приходилось, он ведь о старых заботится.

У отца сын и дочь, умирает отец, то хозяином стада становится сын. Если сестра его выходит замуж, он часть оленей ей дает.

У отца три сына, если он умирает, стадо оленей поровну делится.

У отца две дочери, он умирает, то жена – хозяйка стада; когда дочери замуж выходят, то им часть оленей.

Сайготина Вера Игнатьевна, 65 лет.

Зимняя стоянка отца на Пеляжьи, и дед, и все наши там были. Рыбачил на Тазу, на Пеляжьи.

Девушке замуж вещи дают и оленей. Мне-то замуж олени были, один ли, три ли, не помню. Коли богатый человек, то много дочери дает. Немного у отца было оленей.

16

Полин Виктор Захарович, 54 года.

Мы раньше на Пеляжьеи, постоянно, и дом свой был, вся семья там жили. Зимой по Худосею шли, охотились.

У прадеда три бабы были, вместе жили. Так ему хотелось, богатый был. У Андреева Николая тоже две бабы имел, в 1945–1947 гг.

Зимой семью в землянках оставляли, а сами по Худосею шли, охотились. С Нового года по апрель вместе с семьей уходили.

У дедушки много детей было, 5 сыновей – Захар, Иван, Димитрий, Николай и три дочери, у одной кличка Куца была, других не помню. У дедушки много оленей было, он даже счет не знал. Больше тысячи, вроде говорят. Дедушку прозвали Щакка.

В старину муж и жена расходились и вещи тоже расходились пополам. Чум, вещи, дети жене остаются, а муж берет только, что ему необходимо.

А разводились, что плохо жили, каждый свой ум был; и жена изменяла – тоже расходились. Дети остаются только матери.

Дочь замуж выходила и оленей давали ей, штук 10–15; отец жениха тоже оленей дает; то деньгами дает, то материал, покупают невесту. Или пушнину дают.

Заранее девушке готовят вещи, годов с 2–3-х уже собирают.

Если у девушки до свадьбы ребенок, то после замужества ребенок у матери ее и отца остается. И зовет он бабушку и дедушку «мать» и «отец». Если у старика нет больше никого, то остается он наследником и все вещи ему приписываются.

Если отец умирает, то хозяйка жена будет.

У дедушки Парамея Кагилев фамилия была, так как невеста, ворованная была. А так как дедушка не венчался, остаётся материна фамилия детям.

Хоть и отдельно живет сын, но приносит в семью к отцу и поровну делит, и братьям дает.

17

Нельзя на родственниках жениться, плохо будет, семья уродов будет.

А когда сын женится, то отдельно он охотится. Раз женатый, то отдельно должен жить и с женой охотиться.

Всегда сыну остается, но не брату и не сестре.

После смерти отца чум, нарты, ружье, все – младшему сыну отходит, такой закон был, а другим ничего, они свое хозяйство имели.

Одинокие старики остаются у младшего сына, всегда так было. Вот мать у меня, я самый младший был, у меня оставалась. А если сыновей нет, то у младшей дочери будет жить.

Раньше каждый свое место имел: Карсавинский песок, песок Полинский, песок Сайготинский – о рыбалке. А охотиться все вместе едут. А кто чужой придет, то дерутся на рыбалке.

18

Полина Альбина Сергеевна, 53 года.

Отец по Худосою охотился и дед там шаманил.

22

Андреева Зоя Федоровна, 53 года.

Отец на Часелькы охотился и дед тоже там. И все наши там рыбачили. На Ираткы и Мачелькы рыбачили.

Поровну оленей распределяют после смерти. Братьям ничего не давали, только если детей нет, то братьям. Одинокая старушка у детей помаленьку живет.

25

Полин В. З.

В старину долг берет, пушнины пока нет, чтобы ему прожить. Потом сколько брал, столько отдает тому товарищу. Сколько брал – всегда отдавал. Если не отдадут, то к коку идут. Его лупят, как разрешает, старшина разрешает, *тесей* ударяет. При народе дают, чтобы смотрели все. Дают 10–15 раз, а худо дело – больше дают, если натворил, подрался.

И женщину били за измену, *тесей* бьет. *Тесей* – это подчиненный *кока* и старшины, выбирается народом на год-два. Лупил он, больше никакой работы не делал. *Кок* и старшина решают – сколько лупить.

Кок таскал золотой крест, как у попов были. Потом старшина таскал. Сами они не ездили, их люди возили. На ветке они сидят, а люди другие гребут и везут его. И зимой на нартах не управляет, а другие люди их везут.

28

Андреев Егор Митрофанович, 70 лет.

Отец охотился на Часелькы, а дедушка на Пяколькы.

У отца было 4 брата. У дедушки 50–60 оленей было. Когда старший сын, мой отец, женился, не дал ему оленей. У кого были олени, те давали невесте. А мы бедные были.

29

Редко в старину расходились. Больше как жили, так и умирали. Если добрачный ребенок, то после замужества у бабушки-бабушки остается, как их сын считается. Мать-то у меня померла, так у бабушки жил всегда, отец на охоте был.

На родственнице не разрешено было жениться. Родители не разрешали.

Если кто есть олени, после смерти младшему остаются, ведь у старшего, свой чум.

Если умрет отец, то имущество сыну отходит, но не брату. Или дочери отходит.

Если человек сидя умрет – крепкий значит.

Человек умер – вот и вырос в том свете молодой. А молодой умер – старик в том свете будет.

30

Если богатые, то отец жениха дает невесты отцу материал, деньги, олени и матери ей. И на нартах привезет. Пушнину давали. И отец невесты также дает, чтобы обиды не было, меняют, делят пополам. И бедный тоже дает, а богатый лучше дает.

32

Ирикова Аграфина Алексеевна, 59 лет.

Отец на Налимьем озере рыбачил. В Чертову тундру ездил, на Часельки. А зимняя стоянка на Налимьем озере.

Свои вещи на могилу покойника ставились. Старались к родным его положить.

Имущество всегда детям, а нет их, то братьям.

А муж умрет и дети маленькие, то жена хозяйка. А дети вырастут, то старший сын хозяином будет. А старший сын умрет, то маленький как хозяин будет.

А умрет человек, то жить с покойниками будет; а умрёт старым, то молодым будет и ребенок стариком будет с ними. А мы вроде как мертвые по-ихнему.

33

Андреев Зиновий Михайлович, 62 года.

Отец в Селькупске жил, там и охотился. По Тазу рыбачил. Зимой по Пуру ходил. Отец в Сидоровске рыбачил, пускали его.

Рыбачили и охотились кучей. Саргаевский бор был, Магичевский, старики там жили.

Двое на лодке, один стреляет, а другой правит – пополам уток делят, одному десять и другому десять. И всегда так было, и отец мой так делал, и я делал.

Двое на оленей пошли. Я убил оленя, а вы обдирать будете и мясо возьмете, а не я. А захотите – дадите мне, а не захочешь, дак не дашь. И всегда так было.

Калым был. Оленями выкупались. Сколько запросит, столько дает. Брат женился, дак мы ему 10 оленей дали. И девушке давали оленей, и постели.

А добрачного ребенка мать с собой берет. Такие же права имеет он с другим, позже родившимся.

На родственнице нельзя жениться, грех, бог убьет, большой стыд будет, уроды дети будут.

34

Полин В. З.

Лебедь мы не едим. Пеньки нельзя рубить Полиным, осину нельзя рубить. Нельму нельзя было есть. Свизя, который летает, не ели. Косача (тетерева) нельзя было есть. Так шаман говорил.

Пеньки нельзя было рубить, там человеческая голова нарисована. Шаман на пеньке куклу делал, и нельзя было рубить.

Калинские не ели лебедя, ведь дедушка шаманил их.

Шаманы сами куют, что во сне ему покажется, то он и рисовал.

Если я утку стреляю, то утку не беру, а берет, кто в другой ветке едет. А кто убьет оленя, так другой обдирает оленя и мясо берет. А захочет – так даст мне, а нет, так нет. А убьет он – так я забираю.

35

А рыбу добывает – так сам берет. А пушнина я убью – а он, кто со мной вместе, забирает. А он убил – я забираю.

Какой зверь я капканом добыл, то никому не отдаю, мой зверь. А если ружьем стрелял, то отдаю ему. И он, если капканом добыл, то его пушнина. Так закон. Все селькупы так рассказывают.

Что капканом взял или петлей, то мое. А ружьем что убил, то товарищу. Все время такой закон. И сейчас так бывает. И луком тоже как ружьем считается.

А дед Зиновия, князь селькупский, налоги устанавливал. Ну, 100 штук белка, 75 князь брал, а 25 человеку оставалось. Со всего налог был. И с оленя. Язык карася сушеный князю возили, если пушнины не было. А дед Зиновия, когда жена умерла, то забрал у старшего сына жену и сделал своею, и родил с ней еще три сына. Дед-то до революции жил.

А Зиновий кулацкий сын был и кулацких сыновей в армию не брали – Андреевских, других-то брали.

И все сыновья князя (деда Зиновия) – и три от старой жены, и три от новой, одинаковые права имели.

А князь-то кличку имел Безтопорный – ничего не делал. Ну, он и был хозяин. И по найму люди работали. Сам князь нанимал.

Кок созывал народ, собирал всех в кучу. *Кока* выбирали. *Кок* говорит, сколько надо добывать рыбы и пушнины. Князь *коку* говорит, сколько надо, а *кок* – народу. А князь уже русскому царю подчинился.

36

В старину каждый селькуп свою песню имел, одна у отца, а у сына-то другая.

Пос. Толька

Каргачева Клавдия Гавриловна, 75 лет.

42

Отец моего мужа две жены держал. Старая была, а молодую взял – ведь много в их семье оленей было.

Расходились люди. Жену выгонял, себе все оставил. Старших детей отец брал – за оленями смотреть, а маленьких с матерью выгонял.

43

Оленей здоровых давали. Женская сторона 5 быков должна дать, а мужская 5 важенок.

Никак нельзя на родственнице жениться. Было, что невест воровали.

Охотились на Печальки – и отец, и брат. И дед там сидел. И рыбачили там.

Если у отца три сына и умрет отец, то поровну отойдут олени, чтобы никто не обижался.

Всегда все сыну отойдет, ничего брату не будет. И раньше делали так. И закон решается так.

Если давали оленя и загнал его, то отдать оленя и соболя приложить за добро.

Пынгыр: 3–4–5 струн. От тальника вьют, с войлоком смешивают. И из оленьих жил.

А череп олений прибит на дому, чтобы олени наши целые, хорошие всегда были.

44

Мороков Карп Николаевич

Зимняя стоянка отца на Тольке, дед тоже там хоронен, вся семья там, и бабушка. Отец охотился в Пуровском, Тазовском, там, где Уренгой сейчас. До Тарко-Сале соболя гоняли.

Старик был один, пожилой, к сорока имел три жены: одна чай готовит, одна с оленями сидит, а третья с ним охотится. Некоторые две жены имели. Много так было.

Муж с женой разводились – к другим ли ходишь, плохо готовит. И имущество делили между собой. Помню – раз отец две дочери взял, а матери одну оставил.

Девушке оленей давали или шкуры, или пушнины. Олени – два, три.

У дедушки четыре сына было. Как сын женится, то отец давал ему пару оленей, сколько ли.

45

И воровали невест. Родители прощали, а за невесту ничего не дают.

А дедушка умер, и олени отцу моему пошли, а он младший был.

А если отец умрет, то сыну отходит все, ничего брату, только если детей нет, то брату. Если есть дочь одна, то дочери все будет.

Если одна мать осталась, то у дочери или сына живет, а два сына, так у младшего живет.

Если нет ничего, а жить-то надо, попрошу у соседа оленей. А олень – это за 30 белок или две лисы. Скажем, брал на полгода. Отдать должен столько, сколько взял. А не могу отдать, так хозяин отбирает оленей, и старшина ругает. И затем ремнем бьют. А как побили, так, значит, долг списан.

Люди друг друга от голода ели, все равно помрешь.

Налима, муксун, щуку не ели. Медведя не ел.

46

Карсавин Павел Васильевич, 42 года.

Зимняя стоянка дедушки на Поколькы. Там и рыбачил, и охотился. У дедушки граница до половины Поколькы. Сыновья там охотились.

У дедушки граница до половины Поколькы. Сыновья там охотились. Чужим делать нечего там было. Нельзя брать. Охотился там только дедушки и его сыновья. Другим нельзя было. *Ма тэтта ыкэ ичащи* – на мою землю не ходи больше.

Слышал, что две жены было. У Баякина старика две жены было, старая и молодая.

Девушка замуж выходит, то олени дают ей, пару, сколько ли. Родители жениха давали оленей невестиным родителям, а те им давали.

У дедушки две жены было, одна умерла, другую взял. От обоих дети были и равные были все. Сыновей было семь от старой жены и один от новой.

47

На родственнице нельзя было жениться, запрещали строго. И наказывали ремнем или прутьями.

Когда сын женится, то в чум свой уходит. А до женитьбы олени его в одном стаде с отцовскими. Там же олени других сыновей. Старик отделяет оленей сколько надо, и сын с собой забирает. И сын уже по-другому оленей метит, чем отец и братья. А младшего никуда не пускает. Женится – так пусть рядом сидит или с отцом живет, ведь помогать надо.

А умрет отец, то все младшему сыну отходит. А если нет младшего, а есть младшая дочь, то она всегда со стариком живет и ей отцовые олени будут.

Если умирает селькуп, вещи его сыну будут, а нет, так дочери. А если нет их, то матери или отцу. Или брату.

Если брали оленя, то отдавали оленя и шкурки – за то, что держал. Чем больше держишь, тем больше отдаешь. А если ничего нет, то пусть работает на меня. Пусть дрова пилит или что

еще захочу. Много раньше так было, что заставляли на себя работать. Должен кормить его, но не платит. Сколько оленей продержал, столько и работать должен.

48

Кольчасенанты – должник

Колчал – долг

На оленях верхом ездили, но раньше, нет сейчас. *Ота икынты аглыгомын* – ездить на оленях верхом. Вольный выпас был. А управляли вожжой или хореем (*парано*) – палкой, хорошо выструганной. Короче были, чем сейчас палки на нартах.

И у женщин имена были. Вот у бабушки – Сонта, еще есть Кильде.

49

Калина Роза Игнатьевна, 45 лет.

В Ратте охотился, на Матылькы, и рыбачил там же отец. И дедушки там родина была.

Было в Ириковской породе две жены у мужа. Вместе старик жил с двумя женами, одна старшая сестра была, другая младшая.

Расходились в старину муж с женой. Дети женам доставались. Мужик-то держать не будет. Главное – мужчина изменял, потому и расходились.

Когда девушка замуж выходила, то приданное ей было – оленей давали, вещи хорошие, так только у богатых было. Много оленей – так много давали, а мало – так два или три. Давали за невесту оленей или шкуры. Вроде как покупали невесту.

50

Если изменила женщина, то судили ее, старшина наказывал. Если крал человек, то наказ такой – что бьют сильно, прутом или шиповником. Судят и тут же при народе секут.

Нельзя на родственнице жениться, но были такие случаи. А вообще нельзя – Бог наказывает.

После смерти отца все сыну отходит. Ведь не может брат распорядиться. Если нет сына, а есть дочь, то дочери. Если нет детей, то брату.

Берут в долг и шкурками оплачивают. Если олень подох. То в двукратном размере берут.

52

Кагилев Степан Алексеевич.

Отец на Печалькы рыбачил и охотился. Дедушка на Часелькы рыбачил.

Все вместе охотятся. И рыбачили вместе. Песок Карсавинский – это долго там жил. Раньше не сидели. 5–6 лет живут и на новое место уходит.

Вместе охотились, вместе делили. А беличьи шкуры, если я добыл, то мои, но шапка нужна тебе – отдам шкурки. Потом как-нибудь мне поможешь.

Если крали люди, то секли их. На людях обязательно секли, чтобы видно было.

Если взял оленя осенью, то весной можно шкурками отдать – 150 белок за важенку или одна лисица. А Кунин богатый был. Дак дед взял оленя и не мог дать и ничего.

У отца две бабы было, одна шить не умела по-селькупски, он другую взял.

А расходились, если хозяйка плохая была, грязь не убирала. Тогда бросает жену. Детей грудных мать забирает. А постарше у дедушки и бабушки остаются.

53

Девушка, когда замуж выходила, то давали оленей, 10 или 5, если они есть. И родители жениха давали родителям невесты оленей – покупают ее.

За измену мужу секли женщину и заставляли топором тупым деревья рубить, осину.

Нельзя на родственнице жениться – по вере грех будет, дети уроды будут.

55

Калина Р. И.

Когда человек умирает, то дьявол его к себе берет. Под землей дьявол живет. Когда гром идет и молния дерево бьет, то значит под землей, под деревом дьявол сидит. А если молния человека убила, значит, за ним дьявол стоял, молния его убить хотела.

Лебедь раньше человеком был.

Человек появился – говорят, что с неба упал.

56

Сказка

Однажды старик жил. И много рыбы добывал и всегда ему ерши попадались. Запоры ставил, много. Много-много ершей ловил. Наконец рассердился:

– Ёрш, деревянная голова, в мой запор ходишь и мешаешь хорошей рыбе заходить.

И долго ругался. Начал вычерпывать и выбрасывать рыбу. И вообще исчезла рыба, перестала ловиться. Голод наступил. Жена и дети голодные сидели. Стал голодать старик. А ни оленей, ничего у него не было. Куда деваться? Сначала детей ел, потом жену съел и только один ребенок остался, а остальных всех съел. И пошел посмотреть запор. А там полно рыбы попало. Стал плакать он: А где же дети мои? Нет их, и жены уже нет. Там же и умер старик. А ребенка люди подобрали. Спросили его: Где же родные? – Да папочка всех съел, последний я остался, да рыба пришла.

Так и забрали его люди.

Сказка

Один старик удачливый в охоте был. Всякий раз с охоты дичи много приносил. Стала ворчать супруга:

– Надоело мне дичь обдирать, да руки от крови потрескались.

– Что же я могу сделать, раз удача? – говорит старик. И снова как пойдет, так полно дичи.

Думает жена: чем-то надо его удачу перебить. А никогда нельзя при приготовлении пищи ногти с ног обрезать. Нужно потом их осторожно обрезать и складывать в тряпочку. А то ловкости у человека не будет. Обрезала старуха ногти с грязью и кинула в еду.

Съел старик, и пропала ловкость у него на охоте. А потом совсем занемог – ноги отнялись и не смог на охоту ходить. И когда снег уже был, то подошли они с голоду.

57

Сказка

Жили два брата – старший и младший, шаманы были. У старшего брата жена была. Когда братья уходили на охоту, жена оставалась дома. Приходили они обратно, а у жены на столе всегда утка или другая какая дичь.

Спрашивают братья:

– Где берешь утку?

– В лес хожу и когда сено кошу, то ножом убиваю.

Решили проследить братья – правда ли это? Оказалось – к ненцам ходила она, они давали ей. В главаря влюбилась и мужа начала ненавидеть. Сказал главный ненец жене этой:

– Когда спать с мужем ляжешь, то руку из-под одеяла высунь – дай сигнал, что он уснул и мы убьем его.

Так и произошло. А младший брат не спал, все прислушивался. Начали окружать ненцы. Выскочила жена из чума, а старший брат за ней, тут и убили его.

А младший брат сквозь верхнее отверстие выбрался и убежал. Стрельба началась, стрелы полетели. Попали младшему брату в пятку. Дошел он до болота, вытащил стрелу. Дальше пошел. Видит чум, подошел. «Дайте одеться сначала, потом расскажу». Одели его, рассказал людям, что брата убили ненцы и жена с ними ушла.

Пошли тогда вместе по берегу, но ненцев не встретили. Дальше пошли – увидели их и вперед забежали, подкараулить решили. Подошли ненцы и всех их перестреляли, только жену не убили.

58

– Разденься, – говорит брат. Разжег он костер. – Замерзла ты, наверное, иди согрейся, – и палку заострил, воткнул в нее и в костер её бросил.

Потом брат пошел домой, там открыл чум и брат его старший лежит, сердце ненцы у него утащили. Одел младший брат его шаманскую парку, пошаманил, вставил ему собачье сердце и хотел оживить.

Очнулся старший брат и говорит: Не трогай меня больше, не выживу. И умер. Похоронил его брат, поставил ящик на четырех столбах. И ушел с того места.

60

Сказка

Много чумов было, селькупы жили. Однажды приехал селькупский мальчик, сказал, что эвенки их зовут. У селькупов шаман был и у эвенков был. Приехали они к людоедам и чум поставили.

Даже не поели, как позвали их к себе эвенки в чум. У них уже котел варится, в нем кисть ребенка плавает. Шаманит уже их шаман.

Испугались селькупы, думают: – Как бы нас не съели.

Шаманит эвенк, а селькупский шаман сидит, он знает, что победит эвенкова. А старуха по ляжкам селькупа щупает и говорит: – Я этого жирного сама кушать буду.

А он терпит, думает про себя: – Подожди, что дальше будет.

Шаманили-шаманили. Говорят: – Залезайте в большой мешок. А мальчик шнурок на мешке держит – как залезут они, так должен его задернуть.

Говорят селькупы: – Не знаем, как залазить, давайте сначала вы, а потом мы.

Залезли все эвенки и шаман с бубном залез. Взяли селькупы и перекололи ножами всех в мешке. А старуху в кипящий котел посадили.

Всех перебили. Мальчика взяли к себе и спрашивают: – Где твои родители?

– Съели их давно, а я живу у них в голоде – не могу людское мясо есть. Должен был я людей зазывать в гости к людоедам и съедали их. Последний раз меня к вам посылали, не привел бы вас, съели бы меня. А родителей с оленями съели.

Забрали мальчика и ушли домой.

61

Сказка

В одной землянке две семьи жили. Мужья на охоту ушли. У одной женщины семь детей было, а у другой один ребенок, маленький, в люльке был он.

Каждый день первая женщина с детьми играла, брызнет на них титькой – смеются дети, шум стоит, смех, крики.

Вдруг появляется медведь, не медведь, а дьявол, то есть медведь, но разговаривает.

Говорит:

– У меня голова заболела – каждый день шум от вас стоит.

Повернулся и стал в воду уходить. Рычит, по носки зашел, «у-у-у», по колена зашел, рычит «у-у-у», по пояс зашел, «у-у-у», по грудь вода. они на берегу стоят – удивляются. «У-у-у», – ревет медведь, – по глазам вода, скрылся под водой. Засмеялись они опять – утонул дьявол. А вторая женщина говорит:

– Что вы шумите, вылезет он – плохо будет.

– Да нет, утонул он, ничего.

Опять стали играть, шумят, кричат. Снова вылезает медведь из воды. Притихли сразу, дверь закрыли, притаились.

Пришел дьявол, дернул раз дверь – не открывается, дернул второй раз – не может открыть. Пнул ногой, сломал. Зашел, у двери уселся, ноги раскинул. Все притихли. Стали кормить его. Говорит первая женщина:

– Дедушка, ноги отодвинь, еду принесу.

Вышла, положила ему еду, туда же собачий кал бросила и рыбий жир. Потом вторая женщина говорит тоже:

– Дедушка, отодвинь ноги, я тебе еду принесу.

Пошла, принесла хорошей еды. Начал медведь есть. Попробовал первое кушанье – «Фу», – говорит, отодвинул. А второе хорошее все съел. Положила тогда вторая женщина тряпок в люльку и говорит:

– убери ноги, я грязное из люльки выброшу.

Вышла и ребенка под подолом вытащила. Села на ветку и уехала.

Ехала-ехала, первый перевал и шум стоит, поехала дальше – второй перевал и снова шум слышно. Куда муж уехал – туда едет. Это дьявол в чуме убивает – шум и стоит.

62

Целый день ехала. Ночью видит – огонек. Доехала до него. Это мужья сидят. Рассказала она, что случилось.

А в это время дьявол всех съел и ушел. Один большой котел в землянке был, так один ребенок под него спрятался и остался жив. А остальных убил. Головы отрезал и на колышки по росту расставил.

Поехал муж смотреть – видит головы из-за горы. «Ой, ребяташки мои целые». Подъехал ближе, а головы мертвые. Заплакал он; вылез мальчишка, рассказал все.

Поехал дом дьявола искать. Нашел. Залез в каменный дом. Плачет. А слезу капают прямо на пол. Видит медведь – плачет кто-то.

Говорит дочке:

– Пойди посмотри – кто плачет, сюда приведи его.

Пошла, позвала. Заставил его медведь пешню сделать. Говорит:

– Пойду отдышать. Если храплю, значит, не сплю я, а дышать буду, значит, уснул.

Храпел, храпел, потом дышать начал. Нагрел мужик пешню в огне до красна, да вонзил в медведя. Вскочил тот, заревел, да побежал, застрял между двух берез, упал и умер. А мужик убил его дочек и ушел.

64

Калина Р. И.

Когда женился парень, то давал ему отец оленей и другие вещи, какие ему нужны. И за невесту оленей давали, вроде как покупали ее.

68

Кагилев С. А.

У Зиновия-то дед князь селькупский был. Была у него жена русская, а потом умерла. Поехал князь в Ратту к Баякиным, нашел девушку красивую. Сказал их семье, что берет ее для своего старшего сына. Увез в Селькупск. Стал с ней старший сын жить. Пожил некоторое время. Потом князь забрал эту девушку себе в жены, а сыну нашел другую. Вот такой обманщик князь был.

Список литературы

Бауло А. В. Типы надмогильных сооружений у тазовских селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 185–190.

Пелих Г. И. Селькупы в XVII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – 176 с.

Бауло А. В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия, 630090.

E-mail: bau194@yandex.ru

Baulo A. V.

FIELD TRIP TO TAZ SELKUPS: FIELDNOTES OF 1979

The field notes result from the field project to the Northern Selkup (Taz) communities in Krasnoselkup region of Tyumen oblast in the summer of 1979. The project team of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Science of USSR lead by G. I. Pelikh collected data in the villages of Krasnoselkup and Tol'ka, visiting a set of local camps along the rivers Taz and Khudoseja.

The field notes shed light onto the aspects of traditional economy, material and spiritual culture of Selkups: settlement patterns, land use, rules of hunting and fishing, burial rituals, inheritance, family life, court of local lord, types of punishment and other. The notes also include a set of fairytales.

Key words: *Selkup, settlement, traditional economy, family, rituals, heritage.*

References

Baulo A. V. Tipy nadmogil'nyh sooruzhenij u tazovskih sel'kupov // Jetnografija Severnoj Azii. – Novosibirsk: Nauka, 1980. – S. 185–190. (in Russian)

Pelikh G. I. Sel'kupy v XVII v. – Novosibirsk: Nauka, 1981. – 176 s. (in Russian)

Baulo A. V., Doctor of History, senior research fellow.

Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Science.

Pr. Akad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: bau194@yandex.ru